

Кесарь Мехраби (Иран)

**КАТЕГОРИЯ ЗАЛОГА У РУССКИХ ПРИЧАСТИЙ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Категория залога всегда была в центре внимания русских лингвистов. О ее особом положении среди глагольных категорий В. В. Виноградов писал так: «[категория залога] лежит уже на самой пограничной черте между грамматикой, лексикологией и фразеологией, а в области грамматики – ближе к синтаксису предложения, чем к морфологии слова» [1, с. 491]. Как правило, категория залога проявляется в конструкциях «актив-пассив», но «данная оппозиция имеет двойственную природу. С одной стороны ...оппозиция "актив-пассив" выступает как синтаксическая категория. С другой стороны, активные и пассивные конструкции опираются на определенные морфологические средства глагола» [2, с. 186].

В современной научной грамматике залог определяется как «глагольная категория, представляющая отношение действия или состояния к его субъекту и объекту и выражающая это значение в противопоставлении форм действительного и страдательного залогов» [3, с. 534]. Действительный залог указывает на то, что субъект производит действие над объектом. Страдательный залог сигнализирует о том, что объект подвергается действию со стороны субъекта. На обязательность залоговой характеристики глагольного действия указывал еще Аристотель. В XX в. на постоянство выражения залоговых значений в языке обращал внимание и Э. Сепир. Рассматривая отношения между членами предложения *Кролик убит хозяином*, он, в частности, писал: «Можно умолчать о времени, месте и числе и о множестве других понятий всякого рода, но нельзя уйти от вопроса, **кто кого убивает**. Ни один из известных нам языков не может уйти от этого» [4, с. 73].

Грамматические средства, участвующие в выражении залоговых значений на уровне текста, разнообразны. Среди них центральное место занимают предикативные формы глаголов и формы причастий. На первый взгляд, кажется, что особых отличий между употреблением глагола и образованной от него причастной формы нет. Однако в оппозиции «актив-пассив» на морфологическом уровне «одни [причастные] образования могут выступать лишь в активе, другие – лишь в пассиве, а третьи – как в активе, так и в пассиве» [2, с. 186] одновре-

менно. Грамматическое содержание категории залога у причастий на уровне текста претерпевает существенные изменения и часто не совпадает с системными характеристиками, что устанавливается при трансформационной замене атрибутивной конструкции предикативной.

Цель нашего доклада – выявить реальное залоговое значение причастных форм, функционирующих в текстах научного стиля, и представить его интерпретационные характеристики.

Наши наблюдения над языковым материалом, полученным в результате сплошной выборки из текстов научных статей, свидетельствуют о том, что залоговые значения причастных форм в процессе функционирования могут: 1) занимать слабую позицию и проявляться в оппозиции «актив-пассив»; 2) занимать сильную позицию и быть единственно возможным средством проявления залогового значения.

Причастия страдательного залога настоящего и прошедшего времени (в полной или краткой форме) активно участвуют в оппозиции «актив-пассив», выступая при этом как грамматический синоним предикативной формы глагола с противоположным видовым значением. Так, преобразование предложения *Это означает, что фонетическое объяснение, предложенное Проскауэр для -o\$#, не является необходимым* (ВЯ, 2009) может идти в двух направлениях: а) ...фонетическое объяснение, которое **предложил** Проскауэр для ...; б) ...фонетическое объяснение, которое **предлагалось** Проскауэр для... В первом случае причастная и предикативная формы глагола противопоставляются друг другу как ядерные центры пассивной (причастие) и активной (глагольная форма) конструкций. Во втором случае залоговые характеристики причастия и глагольной формы-трансформа совпадают, что свидетельствует о синонимичности конструкций. Те же отношения возможны и при преобразовании кратких форм причастий страдательного залога: *Наиболее точная фонетическая интерпретация теории Аве была дана Фердинандом Зоммером* (ВЯ, 2009). → *Наиболее точную фонетическую интерпретацию теории Аве давал Фердинанд Зоммер* или же: *Наиболее точная фонетическая интерпретация теории Аве давалась Фердинандом Зоммером*. В обоих случаях залоговое значение причастия вторично, поскольку это же значение может быть выражено предикативными формами соответствующих возвратных глаголов.

Как единственно возможное средство выражения значения страдательного залога причастная форма выступает в тех случаях, когда предикативное оформление пассивной конструкции либо в принципе невозможно, либо возможно, но в нем отчетливо не выявляются субъектно-объектные отношения.

*Стратификация этого обширного и разнородного материала представляет большие трудности, и sigma labile остается одним из недостаточно хорошо **изученных** явлений (ВЯ 2009). → ...и sigma labile остается одним из явлений, которое недостаточно хорошо **изучили**.*

Якобсон основывается на анализе поэзии Хлебникова с его теориями не только самовитого слова, но и самовитых звуков поэта, от фонетического уровня начинающего восхождение к морфологическому, что было вполне в духе **сформулированной** позднее Якобсоном и Трубецким фонологической теории (ВЯ, 2009). → ...что было вполне в духе фонологической теории, которую позднее **сформулировали** Якобсон и Трубецкой. В данных контекстах причастные формы выступают как сильные члены оппозиции «актив – пассив», поскольку являются единственно возможным морфологическим средством для выражения страдательного значения: развертывание причастной конструкции в направлении **и sigma labile остается одним из явлений, которое недостаточно хорошо **изучалось*** или **что было вполне в духе фонологической теории, которую позднее **формулировалась*** Якобсоном и Трубецким неприемлемо с точки зрения не только стилистики, но и грамматической семантики.

Только 52 словоформы встречаются в метрически **определенных** позициях (ВЯ, 2009). → Только 52 словоформы встречаются в позициях, которые **определяют/определяются** метрически. Или: В качестве верификации **использовано** сопоставление с эпиграфическими данными (ВЯ, 2009). → В качестве верификации **использовали/используется** сопоставление с эпиграфическими данными.

Перевод атрибутивных форм в предикативные свидетельствует о том, что невыраженность субъекта действия, представленного как признак предмета, и абстрактный характер объекта действия (во втором примере) в значительной степени ослабляют страдательное значение глагольных форм (*определяют/определяется; использовали/используется*). И авторы, видимо, не случайно при построении текста

отдают предпочтение формам страдательного причастия, где значение страдательного залога структурно маркировано и системно закреплено.

Промежуточное положение между сильной и слабой позицией занимают формы страдательных причастий настоящего и прошедшего времени, чьи залоговые характеристики выявляются при установлении одновекторных трансформационных отношений с предикативной формой возвратного глагола, неявно выражающего залоговое значение. При этом, как правило, субъект действия, признак которого обозначается причастной формой, либо имеет орудийное значение (см. первый пример), либо в принципе отсутствует в контексте (см. второй пример).

*Во всех своих исторических трансформациях, **определяемых** разными социальными условиями, разными эпохами, она сохраняет одну и ту же основу или сущность, состоящую в максимальном и целесообразном использовании всех качеств языка и речи на всех структурных уровнях в эстетическом аспекте* (ВЯ, 2009). → *Во всех своих исторических трансформациях, которые **определяются** разными социальными условиями, разными эпохами...*

*Это фонические, метрические, ритмические, мелодические, фonomорфологические, синтаксические, лексико-семантические, фразеологические, композиционно-динамические, образные и другие свойства и элементы эстетически **организованной** и **направленной** речи* (ВЯ 2009). → *...образные и другие свойства и элементы речи, которая эстетически **организуется** и **направляется**...*

В данных примерах при преобразовании атрибутивных конструкций эксплицируются отношения грамматической синонимии между причастиями и предикативными формами возвратных глаголов, залоговые значения которых как бы вуалируются в контексте. Логично предположить, что и в данных случаях причастные формы используются как структурно и грамматически маркированные для выражения значения страдательного залога языковые единицы.

Контекстуальное изменение залоговой характеристики у действительных причастий настоящего и прошедшего времени обычно отмечается на уровне трансформов-вариантов: *Метрика должна была благоприятствовать любым факторам, **ограничивающим** просодическую амбивалентность* (ВЯ, 2009). → *Метрика должна была благо-*

приятствовать любым факторам, которые **ограничивали** просодическую амбивалентность (активная конструкция) и *Метрика* должна была *благоприятствовать* любым факторам, которыми **ограничивалась** просодическая амбивалентность (пассивная конструкция). Или: Если же объектом описания оказывается такой объект, как поэтическая речь, то он сам определяется **описывающей** его теорией (ВЯ, 2009). → ...он сам определяется теорией, которая его **описывает**/(с помощью) которой он **описывается**.

И в первом, и во втором примере определяемые причастием имена существительные (*факторы, теория*) могут быть интерпретированы как субъекты действия активной (в именительном падеже) и пассивной (в творительном падеже) конструкции, отсюда контекстуальная нейтрализация залогового значения и возможность представления действия предикативными формами глаголов со значением как действительного, так и страдательного залога.

Размытость залогового значения причастной формы наблюдается и в контексте *Диссертация Каролы Проскауер остается единственным систематическим рассмотрением эпиграфического материала, **относящегося** к проблеме отпадения -s#* (ВЯ, 2009). Действие, заключенное в атрибутивной конструкции, может быть представлено двучленным рядом трансформов: *Диссертация Каролы Проскауер остается единственным систематическим рассмотрением эпиграфического материала, который **относят**/который **относится** к проблеме отпадения -s#,* при этом залоговое значение предикативной формы возвратного глагола может быть интерпретировано двояко: и как активное, заключенное в субъекте, и как пассивное, распределенное между субъектом и объектом. Последнее подтверждается возможностью синонимической замены формы причастия действительного залога формами страдательных причастий: *Диссертация Каролы Проскауер остается единственным систематическим рассмотрением эпиграфического материала, **относимого/отнесенного** к проблеме отпадения -s#.*

Итак, предварительный анализ интерпретационных характеристик залоговых значений причастных форм позволяет утверждать, что структурная и грамматическая маркированность причастий обеспечивает им центральное положение среди грамматических средств, участвующих в выражении залоговых значений. Любое контекстуальное ослабление залоговой семантики предикативных форм глагола обес-

печивает актуализацию залогового значения причастной формы и выбор ее в качестве единственно возможного средства выражения залогового значения.

1. *Виноградов, В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М., 2001.
2. *Бондарко, А. В.* Теория морфологических категорий и аспектологических исследования / А. В. Бондарко. – М., 2005.
3. Современный русский литературный язык / под ред. В. Г. Костомарова и В. И. Максимова. – М., 2010.
4. *Сепир, Э.* Язык: Введение в изучение речи / Э. Сепир. – М.-Л., 1934.